

MR. KISSKIN

БЫЛЬ

О ЧЕРНОМ КОТЕ-ПЕВУНЕ

Mr. Kisskin

Быль о Черном Коте-Певуне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68786112

SelfPub; 2023

Аннотация

Язычество Древней Руси туманно. Западная культура затмила богатство не менее интересную мифологию наших предков. И я побывал в те времена и представляю былинку про ушлого кота-певуна, что настигает людей в самые неоднозначные моменты их быта. К вашему представлению сказ о проклятиях, лихом боре и прочих таинствах с коими были связаны наши предки. Данная быль является присказкой к готовящейся полноценной приключенческой книге о данной вселенной.

Mr. Kisskin

Быль о Черном Коте-Певуне

– А я говорил тебе, Тимоха, гони лошадей в загон, нечего им подле леса мордой в траву тычить! – достаточно эмоционально, размахивая руками, обращался к братцу пожилой крестьянин.

– Кто же ведал, братка, кто же знал! – почёсывая лысый затылок, мотал головой второй мужчина, иногда поглядывая в темно-зелёную чащу. – Никогда этих смердов не было в нашем лесу!

– Обалдуй ты непутёвый, Тимоха! – гневно бросил свою шапку раззадоренный старик и пал на корточки. – Богатыри-то наши, что защищали лес, три дня тому назад покинули наш бор, ты ли не знал? И как мы теперь-то без скакунов-то наших? Пешком до деревни топать будем?

– Коль надо – будем... – не успел провинившийся договорить, как из лесу послышался ржач кобыл.

– Посейдонское чудо! Неужто наши Люська да Ленка? – вспылал надеждой тот, что сидел на корточках, что подорвался на ноги одним прыжком, невзирая на старость свою.

Действительно, две лошадки показались из лесной тени,

однако с первого же взгляда было понятно – что-то с животными не так. Двигались они целенаправленно, словно пребывали в состоянии чьих-то марионеток да и из очей их струился тёмный, густой туман. Они впились своим взором в пожилых ошарашенных мужчин, которые неосознанно, хоть и не отводили свои взгляды от питомцев, однако пятились в сторону избы.

– Тима, – шёпотом промолвил один из братьев. – Гони коз подальше пока не поздно, а я в избу, выведу всех оттуда...

Но не успел второй братец послушаться, как обомлел – за лошадьми появилась навья. Она плыла по воздуху, вытянув свои ручки с длинными пальчиками перед собой. И, знаешь, она была в прямом смысле слова ужасно красивая – тёмные локоны её словно влажные с тяжестью свисали на пышную грудь худенького тела, облачённого в грязную и мокрую белую льняную тряпку, что небрежно прилипла к ней, не особо прикрывая интимные места, а мило скрещенные ноги могли показаться испачканными илом, однако если приглядеться, то можно уверенно сказать, что они будто испепелены, хоть и кожа зрительно такая же гладкая, только чёрная, плавным градиентом переливающаяся в нормальный цвет кожи ближе к коленям. Она ласково улыбалась, как улыбается отчаявшаяся преданная девушка, когда всю боль девицы можно прочесть по глазам.

– Жи-и-и-ворот, – словно змея она зашипела из глубины леса, не убирая свою неоднозначную улыбку с милого лица.

Второй брат, к которому она обратилась, аж побагровел от своего же имени из уст чертовки. Тимоха повернулся и убедился в удручающем состоянии своего брата, что аж самому поплохело ещё сильнее. – Жи-и-и-иворот, ответь мне, милый – в избу вдовы Агафьи ты заглядывал?

Тимоха не мог не взирать на своего брата, что уже успел позеленеть и пасть гузном на пень. Очи его, кои как у любомудра были всегда узки и не ярко выражены, распахнулись так, что усопшая мать родная бы удивилась. Хоть сосны и даровали свежий воздух, Живороту его явно не хватало. Однако он собрался с мыслями и кое-как ответил:

– Нет!

– НЕ ВРИ, ХРЫЩ СТАРЫЙ! – послышалось во всей округе, что после отдавалось эхом в сознаниях мужчин. Навья продолжала бесновато улыбаться, строя глазки. – В избу вдовы Агафьи ты заглядывал, мой ненаглядный, Живорот? Ответь, будь милым мне.

– Ходил! Ходил! – испытывая страх ли, агонию ль, мужик признался, лишь бы весь ужас кончился.

– Щеки румяные, губы алые целовал её? – спрашивала навья.

– Целовал! Целовал!

– Любил всю ночь её?

– Любил! Любил!

– Так что же ты, гнида седовласая, имеешь счастье жить и радоваться? – спокойные и даже приятные нотки её звонко-

го голоса сменились на аляповатые и незвучные сильные вибрации, что издаёт горбатая бабка, когда отчитывает внука, гоняя того метлой по двору.

Навья подступила в компании двух лошадок, перелетая через приземистый заборчик из берёзы. Охотничья изба, где всю пировали товарищи, заливаясь квасом и наслаждаясь свежей медвежатиной, уютилась в невеликом лугу среди сосновой чащобы. Рядом уютно располагалась банька, которую недавно растопили, чтобы через чуток часов, под вечер отлично провести время. Судя по выкрикам молодых охотников, в домике находились сыновья двух стариков. Двое их было, а может, трое.

Тимоха со страхом в глазах продолжал смотреть на брата, однако доверху ко всему, в них читалось и отчаяние, и разочарование в кровном своём родиче.

– Кажись, братец, это не я дурак непутёвый, – сколько было мочи у Тимы, столько он её вложил в эти слова, что еле слышны были на фоне шипения чертовки, что медленно, но верно подплывала к Живороту, кой готов стать с пнём единым целым, лишь бы эта женщина бросила мужика в покое.

– Жи-и-и-иворот, готов ли ты отдать себя лесу? Взаменя оставлю лошадей, и никто не прознает про чернь, что ты наделал, кроме брата твоего, Тимохи? Даже Агафья забудет обо всем и будет о тебе слава славная в деревне, как героя, что воротил скотину ценой своей жизни? Брат твой, сыновьям твоим, жене твоей принесёт весточку о твоей доблести

и будет слава тебе славная в деревне твоей, – она, оставив лошадей, прильнула к седовласому, аккуратно приземлившись на его коленки и ласково объяв его шипя на ушко.

Живорот покрылся холодным потом и застыл, лишь очи его бегали от неё до братца и обратно. Не хотелось мужику помирать, да и знал он былицы да небылицы всякие, что заberi навья душу твою – будешь вечно мучиться в своих содеяниях и что не будет душа свободной и что мучиться душа будет вечно и жить она будет в этом лесу и никогда из него не выберется.

– А-а что, если я не захочу? – тихо выдавил из себя он.

– То о тебе, милый мой, прознают все – от Оки и до Волги! – чертовка шептала ему на ухо противным голосом, что вяли уши. – И Белобог прознает и Сварог прознает! И не будет тебе покоя в мире живых и твоей семье! И гоним будет род твой! И тогда ты вспомнишь обо мне, мой милый Живорот, ведь упрекать тебя будут кому не лень и в колодец сбросят тебя, и заплюют тебя, мой милый старый хрыщ! И ни один муж не отдаст свою дочурку за детей твоих и их детей! И ни один колдун не отмоет и не отпоёт тебя, Живорот... Так что?

– Братка, – осознав, что пришли не за ним и то, что можно от проклятья отвертеться, успокоившись, обратился Тимоха. – Братка, отдай свою нечестивую душу, не подставляй наш род за свои деяния, прошу!

Донёсся до слуха истерический вопль, который являлся

смехом навьи, коя от услышанного раздора аж взлетела и направила свой взор в порозовевшее небо.

– Как прекрасно! Как чудесно! Кровный брат желает смерти брату! Ну что же может быть лучше! А-ха-ха-ха! – её разрывало от счастья, она словно ожила. Глаза её наполнились красками, прояснились. – Умри, Живорот! Отдай мне душеньку свою! А я сделаю тебя героем! А-ха-ха-ха!

Провинившийся и испуганный до побеления старик внешне отвлёкся на пышношерстого чёрного кота, который шустро промчался мимо них и ловко залез на ветку в два прыжка. Навья застыла, предвкушая неладное, догадываясь, что данный кот несёт неудачи, но для кого?

Кот же усевшись на основании ветки постепенно принимал человеческий вид: лапы перерастали в мохнатые руки и ноги с когтями, выперла грудь, на которой явно виднелась руна Чернобога из белых волосков, морда представляла собой смесь кошачьей и человеческой, и выглядело это нечто как оборотень, как волколак, только, наверно, котолак...

– Новоградские князья, что выступают ближайшими рабами Белобога, клянутся в святости и непорочности своей, – оборотень великолепно выговаривал славянскую речь, однако неосознанно подмякивал, что было заметно, как он пытается себя сдерживать. Тем не менее его голос был тягучим и приятным, тёплым мёдом с топлёным молоком, он так ласкал слух, что хотелось слышать его ещё и ещё. Однако навья заметно смутилась, услышав сладкий голос. – Но не каждый

знает, чем заняты они в потёмках ночи, в закрытых залах и в кругу семьи. Не всё белое – добро, не всё чёрное – зло. Я, сказочник, скитающийся в ночи, я, то ли бес, то ли гамаюн, я, воин без меча и я...

– Чёрный кот-баюн... – тихо промолвил Тимоха, раскрыв очи.

Кот смутился тому, что его перебили, но в то же время ухмыльнулся, ведь его узнали и имя правильно произнесли. Что может быть лучше для этого нарцисса, кой не поленился самого себя лизнуть.

– Опять ты, Милан! – вися в воздухе, но, повернувшись в сторону новоприбывшего, злилась навья.

– А я думал, ты меня не узнаешь, Первуна! – не менее обрадовался кот. – Мужики, поведаю вам один сказ об этой несчастной девушке...

– Замолчи! Замолчи, окаянный! – злость лилась через край, итак неприятный и гнилой глас ужасно красивой девушки был уже невыносим, словно говорил самый настоящий бес. Мужики были обескуражены: Тимоха ещё с удивлением мотал головой, а вот в застывшем Живороте вовсе не было души.

– Какая же ты бесстыжая, Первуна! – оборотень харизматично фамильярничал, словно общался с подругой, имитируя кошачью позу, когда задние лапы раскинуты в стороны, а передние выставлены перед ними. На морде его заметна была улыбка, а сам он облучал добротой, его голос всё

также был в разы приятнее на контрасте. – Лет сто тому назад Первуша была человеком, красой, за которой весь хутор бегал! И женой она стала местного рыбака. Богатый, зараза, был, на своей лодочке гонял по Оке, рыбой промышлял, что стал востребованным и желанным гостем и в Новгороде и в Гордаре, и в Киеве о нём знавали! Сколько градусов на пути было, столько и жён было и детей от них. А бедная Первуна сидела в избе, скучала, хоть и под окном молодцев рать стояла, а она всё сидит себе, ждёт суженого своего, кой уже как год позабыл о своей Первуне. Но весть пришла от Новогородских богатырей, мол рыбачек её-то совсем не любит более жену свою, что жён у него по всей Руси пруд пруди, и что плыть он не хочет более домой, где его Первуна милая, Первуна ласковая ждёт. Не было нужды у него ни в красе хуторской, ни в рыбе родимой. Зла была вдова соломенная, долго держала в себе обиду красна дева. Но не только на суженого своего обиду таила, но и на себя и более на себя, ведь прознала она, что дурой верной стала, и пошла в глубокий лес одна с охапкой вички на плече и на этой вичке и повесилась у ствола мудрого дуба и висят её остатки по сей день, ведь не было того, кто осмелился так далеко в чащу тёмную зайти: там смеродь пахнет, смердой злостной всякой, но чует смерда, когда нет желания у души чистой жить и радоваться, вот и ни одна смерда не тронула красу и завела её в сердце злого леса. И путь из стеклянных слёз её ведёт к тому дубу, где тело её висит. Не упокоилась душень-

ка красной девицы, вот и приходит она к тем, кто жён своих не любит...

– Зачем?! Зачем ты поведал им?! – злилась навья, рождая глазами стеклянные слёзы, что падали и бились оземь, но и с места не тронулась, а лишь висела в воздухе, а лошадки затопали копытами и ещё больше испускали туман чёрный.

– Вот! – Кот показал на стеклянные слёзы, что горкой уже собрались на травушке. – Вот такие слёзы ведут к её телу... Их и продать можно... Мр-р-р... – оборотень глазел на побрякушки с характерным аппетитом.

– Чего желаешь, окаянный? – очнулся Живорот. – Неохота мне душеньку свою навье отдавать!

– Братка! – встрепенулся Тимоха. – Он людоед!

Но не успел Живорот отреагировать на столь удручающий факт, как оборотень в секунду оказался напротив него чуть ли не впритык, что мужик учуял запах сырой рыбы изо рта окаянного.

– Подряд! – радостно замурчал тот.

– Какой ещё подряд? – не двигаясь, но, чуть откинув голову, со страхом спросил старый.

– Такой подряд! – кот схватил мощную руку мужика и когтем другой руки царапнул вдоль предплечья, что кровушка поструилась. – Духовно-кровный подряд!

– Живорот! Отдай мне душу и станешь героем! – слышалось от застывшей в воздухе навьи.

– Молчать, женщина! – крикнул горделиво Кот. – Ты на

время дашь мне свою душеньку, а как закопаю её тело, так верну обратно!

– Это ж что получается-то – одна душу просит и другой душу просит... Нет мне спасения, братец! – заёрзал мужчина словно ребёнок, слезая с пня грузно приземляясь на задницу.

– Бешеной собаке семь верст не крюк... – промолвил Тимоха.

– Да не переживай ты так! – оборотень пылал духом и был благостно настроен, что эта сила пестрела от каждого его слова. – Буду танцевать от печки: найду тело, закопаю и во славу Велеса будешь спать спокойно!

– А душа моя на кой чёрт?

– А затем, что выбрала навья тебя, а проклятье не снять без приглянувшейся души, – развёл руками Кот. – Коль не желаешь душу давать, то ступай сам, с молодцами своими, а я вашего медведя с радостью доем.

– А коль ты в лес пойдёшь, да не воротишься, тогда чего?

– А коль подряд не выполню, то станешь ты Котом, как я, а я помру в лесу гнусно! – заметив, как Живорот смутился, он продолжил: – Да не переживай ты так! Будешь жить сколько пожелаешь, лекари не понадобятся тебе – живительная сила затягивает раны на глазах! С лесу волочить по пять медведей и по десять оленей сможешь. Можешь даже к Астафьи ходить и любить, сколько захочешь – ни одна навья за тобой не придёт, коль душа не совсем чиста твоя будет!

– А как я жён любить в обличии оборотня буду? – единственное, что спросил мужчина, видимо, единственное, что волновало.

– Ну-у, коль ночь так никто и не провидит, а коль спросит, чего так мохнато, так я говорю, что в шубе...

– Дурак, не соглашайся! – пригрозил Тимоха. – Как ясный свет видно – зубы он тебе заговаривает! Сами упокоим душу навьи, и дело с концом!

– А-ха-ха-ха! – засмеялась навья.

– Мура-ах-ах-ха! – поддержал её Кот. – Ты слыхала этого смельчака?!

– Слыхала! Пусть ступают! А ты, Милан, кыш и вон беги, пока лес не обозлился на тебя!

– А кой тебе толку от подряда? – невзирая на происходящее спросил Живорот.

– А я, коль выполню его, все слёзы соберу и в Новограде продам, а лучше в Арконе! Сразу скажу, что и слёзы эти я не могу поднять, – Милан указал на те самые, что были под навьей меж лошадей. – Попробуй...

Живорот неуверенно подполз на корточках к горсти стеклянных слёз и трепетно потянулся к самой верхней. Дотронувшись, он ощутил морозный холод, однако поднять хрустальный камушек он смог, убедившись в этом, он положил его обратно. Что навья, что Тимоха пристально наблюдали за мужчиной.

– А теперь ты! – обратился Кот ко второму брату.

Тимоха нехотя ещё стоял и с презрением поглядывал на оборотня, всем своим видом показывая, что нет у него желания подчиняться какому-то окаянному. Но Милан долго ждать не собирался, потому за один ловкий прыжок настиг мужчину и пригрозил тому острым когтем под шеей, что мужик затаил дыхание и вовсе в одночасье передумал сопротивляться. Подойдя к горке из хрусталиков, он наивно полагал, что Кот есть сказочник ещё тот, не веря в его слова, однако реальность оказалась, видимо, сказкой, ведь и на вершок не сдвинул слёзку, что красовалась на самом верху, что поразило его, отнуду воззрел Тимоха на кота уже совершенно иными очами. Но больше его озадачил факт того, что навья спокойно висела в воздухе чего-то ожидая либо пребывая в замешательстве, точно он не понимал. Потому Милан, заметив его взгляд на Первуне, не стал медлить с разъяснением:

– Да не переживай ты так! Что же, дед, жён не понимаешь до сих пор? – насмешливо спрашивал тот. – Желан ей сей поступок, вот только виду сделать надо, яко не довольствуется дева, яко злыдень она и ничтоже святого не есть в ней, ано при каждой мести желан тот, кто высечет проклятье с лика красного, глянь же – ну ясна девица, коль хотела, не давала бы выбора Живороту и затянула с концами в лес, не вороча обратно! Вот и висит в воздухе, ожидая решения.

– Ответь, навья, еже мил тебе, правду-матку гласит сей окаянный? – обратился Живорот к чертовке, поднимая дро-

жащие очи.

Но смерда скукожилась и отвернулась от мужей и оборотня. Смутилась баба. Да так смутилась, что невольно в сторону леса поплыла по воздуху, а кобылы затопали на месте, испуская бесноватый ржач.

– Что же ты сразу не сказала нам? – озадачился Тимоха, однако навья злостно повернулась и поедала взглядом старика.

– Дурак ты, Тимоха! – извивался на земле Кот. – Мр-р-ра-ха-ха-ха, точно глашу, недоумок!

– Еже дурак, так объясни, окаянный! – возмутился итак перепуганный мужик.

– Проклята баба! – внезапно Милан явился перед лицом Тимохи. – Ни один смерд не будет просить живых о помощи, ведь проклят в семь крат будет, околотень дряхлый!

– А-а-а, – Тимоха принялся чесать репу. – Дак старый коль, простите дурака, еже обидел...

– Гони, як лошадей, Живорот, душеньку свою мне и я пойду в лес, а Тимоха твоё тело охранит, – оборотень был очень ловок и перемещался от брата к брату явно как кот, помогая руками, словно передними лапами. И так гибок он был и быстр, что не каждый животный кот так смог бы, имея меньшие размеры. Выпрашивая душу у Живорота, окаянный мурчал и облизывался, потирая мохнатые когтистые ручонки, но мужчина не спешил с рискованным решением.

– А я коли сам не смогу всё сделать? – спросил он.

Но тут же раздался смех и умиление от навьи и оборотня. Второй вовсе покатался на дугообразной спине и дрыгал ногами. А как успокоился, протянул растерянному мужчине руку, хитро улыбаясь.

– Тогда спорим, что и двух сотен сажень с навьей в лес не сможешь пройти и живым вернуться? – Живорот косился на брата, однако тот лишь пожимал плечами. – Воротишься – молодец, коль не воротишься – всё твоё заберу себе, ведь предложил тебе помощь!

– Ишь, ты, кот, какой хитрый, что за спор эдакий?! – возмутился старик, сжимая шапку на голове. – Зачем же мне спорить так? – он призадумался. – А давай так поступим, кот: коли не воротишься с моею душенькой – не будет тебе гуслей и баньки, а коли воротишься, то и банька будет, и гусли, и медведя тебе оставим, и квасом напоим, лишь избави нас от навьи и её избави ты от проклятия, кот!

– Договорились, Живорот! – услышав предложение, кот воспрянул духом в ещё один крат, что готов был взлететь. – Я так и собирался сделать! Не обмануть хотел тебя!

– Давай скорей, Милан, не то заберу вас всех в лес! – прошипела навья.

– Хорошо-хорошо, – глубоко вздыхая промолвил кот, отвлёкшись на проклятую. Повернувшись обратно к Живороту и, вытянув указательный палец, сверкая когтем, он сказал: – Приступим!

Одним быстрым движением окаянный глубоко царапнул

руку Живорота и тут же свою. Мужчина и не успел среагировать, как кот молча дёрнул того за предплечье, направив длань в сторону пня, на коем недавно сидел, потом мохнатый направил свою длань в сторону того же пня, на коем недавно сидел Живорот и задрал голову замаливая:

– Ой, ты, пень, да мудрый земных знаний хранитель, ой, ты, древо, да живо живое в тебе, стань ты нашим покровителем, прими ты нашу кровь, да передай ты родичам нашим, что вопреки народу не идём мы, что против деда не оскалимся, что брат за брата встанет, что подряд я предложил нуждающемуся, чтоб злых духов изгнать, чтоб упокоить душу проклятую, – кот раскрыл глаза и глянул на Тимоху. Поймав кошачьи очи на себе, мужик кивнул вопросительно. – Подь сюды, рыло тартыжное, чего как бобыня стоишь? – с возмущённым выражением лица Тимоха послушался наглого оборотня. – Давай обопрись руками о пень, зад подними, дугу собою сделай, чтоб братцу легче через тебя и пень кувыркатся было...

Живорот побагровел от слов о том, что нужно будет кувыркатся, ведь немолод был, хоть и в охотниках ходил до сих пор. Тем не менее Тимоха образовал дугу, выставив перед собой руки, коими упёрся в пень, с надеждой поглядывая на брата, чтоб тот поскорее избавил старика от напряжения и покувыркался сколько надо...

– Да не переживай ты так! Ветер, ветер, ты могуч, – внезапно сбился кот. – А, блин, не то! Ладно! – устался он на

оцепеневшего Живорота. – Давай семь раз кувыркнись через братца и каждый раз проговаривай: даю душу свою не во зло, а во благость...

Живорот неуверенно принялся выполнять указание кота. Первый кувырок. Промямлил, что никто ничего не понял, тогда Милан нагло подошёл и пнул мужика под зад, что тот подлетел и сразу понял что к чему. Волшебный пинок придал ему уверенности, таким образом в разы повысили качество проныривания через Тимоху и более различимую речь после сего действия.

Навья хмуро ожидала окончания ритуала, явно желая уже отправиться в лес, да избавиться скорее от проклятия, однако приходилось наблюдать дурачество двух взрослых мужчин, да кота, который и устроил данное представление, ведь она знала, что...

–...а во благость... Фух, кот, ты меня так погубишь, ока-
янный... – закончив свои кувырки и проговоры, еле вымолвил Живорот.

– Отлично, – Милан вытянул мохнатую руку, что истекала кровью, перед мужчиной. – Хватай.

Как только дядька вцепился в мохнатую руку оборотня, так сразу потерял сознание, и его тело рухнуло наземь. Тимоха не сводя глаз с бездушного тела своего брата, которое могло лишь дышать да и только, выпрямлял спину.

– Могу ли я задать вопрос? – тихо спросил мужчина.

– Могешь, конечно! – выпятил спину оборотень, после то-

го как попробовал подобрать слезу, что ему, конечно, после ритуала, удалось, и трепетно уложил Живорота. Его душа была уже позади кота, вот только видеть её мог единственно окаянный и смерда. Она беспокойно парила, пытаясь совладать с нового рода гравитацией, и представляла она знакомого нам Живорота, только молодого, в самом расцвете сил, да голенького, что он засмутился, прикрывая себя руками. – Да, не переживай ты так! – обратился он к душе мужчины, что бесновалась у него за спиной. – Не видит тебя твой братка.

– Как?! Он тут?

– Тут! – хихикая вмешалась навья.

– Ты хотел что-то спросить, – повернулся Милан обратно.

– Э-э-э, я здесь поразмыслил... – почёсывая репу, мекал Тимоха. – Кувырки были необязательны?

– Да! – с гордостью объявил кот и разразился громким смехом. Это и услышал Живорот, будучи в мире душ, потому хотел настучать оборотню по голове, вот только не смог – ведь его плоть проходила сквозь материальное. Говорить не мог, однако мысли его доносились до тех, кто его видел.

– Козёл ты драный, а не кот! – донеслось до Милана, но он не обратил внимания и повернулся в сторону леса.

– Мне нужен мешок, кой смогу повесить за горб и два кинжала, – хоть и стоял он спиной к Тимохе, тот понял, что обращались к нему, потому без слов он метнулся в избу.

– Милан, – навья с нешуточным лицом обратилась к ко-

ту, кой сменил лицо на более серьёзное, взглядываясь вглубь тёмного и опасного леса. – Ближе к моему телу я буду терять над собой контроль, потому не обижайся, коли я нападу на тебя.

– Да не переживай ты так, – в разы спокойнее и рассудительнее произнёс он данную фразу, кою до этого насмешливо и весело покрикивал, что она с его уст показалась совсем иной. – Не впервой мне тела проклятых упокаивать, знаем...

Из избы выбежал Тимоха с тем, чем нужно, а за ним дылды-сыновья, что с тупыми рожами глядели на кота и на навью, не замечая Живорота, что лежал без сознания у пня, а душа его, завидев родичей, принялась махать, ано осталась незаметной. Схватив кинжалы и закинув мешок за спину, сделав глубокий вдох, в мгновение ока испарился, как могло показаться, однако человеческий глаз не смог уследить его звериную силу и ловкость, с коей он оттолкнулся и устремился вглубь леса. Навья же оставив лошадей, но не освобождая их от проклятья, что можно было судить по их глазам, из которых струился тёмный, густой туман, поспешила по воздуху за ним, как и Живорота душа, что была “привязана” к Милану и явно не ожидала резкого перемещения.

– Ну что, Живорот, готов узреть весь ужас лихой чащи? – чуть ли не про себя проговорил кот, во время преодоления лесных преград, то мчась на четырёх конечностях, держа клинки в зубах, то скача от ветки к ветке, оставляя бурьяны и топи позади. И поначалу эти слова не вселяли никакого

страха – чего уж там, Живорот в настоящем лесу столько души зарубил, что знает данный лес, или хотя б его ближайшую к охотничьей избе часть наизусть. Да и не понимала душа мужчины: с чего это вдруг лес стал проклятым, коли ходили они в него часто и ничего не случилось, вот только новости о том, что покинули этот лес богатыри, наводили на то, что по данной причине теперь лезет всякое лихо из него.

Размышления эти дошли и до кота, и до навьи, что за счёт того, что летала, уже настигла оборотня, и пока оставалась в каком-никаком трезвом от проклятия сознании, дала ответ:

– Новоградские колдуны и богатыри сдерживали нечисть долгое время, пока князь в княжестве бытовал. За это время люди лихого натворили во всём княжестве. А лихо не спит, лихо помнит всё, потому, как князь из княжества уехал в Киев, сдерживать смерду стало некому, а родилось её ой как много за это время, – тут же Живоротская душа заметила, как побагровели листья, как посерела трава и как земля осушилась чуть ли не в мгновение. Густой туман, словно парное молоко, окутал каждый шаг этой некогда для охотников в летнее время зелёную-презеленую чащу. Олени в страхе бежали оттуда в сторону, где не так ужасно, где не так смердит. Послышались волки, что скудно выли, не как мощные и свирепые животные, что могут навести ужас, а словно шавки подзаборные, что получили хворостиной хлётско.

Однако Милану было нипочём: он стремительно преодолевал расстояние. Не оборачиваясь, не изменившись во

взгляде, этот оборотень то ли как тигр, то ли как домашний резвый кот, не важно, а важно лишь было то, что даже навья не всегда поспевала за ним, за тем, как этот смельчак отталкивался то от земли, то от ветки, то от ствола деревянистого. И слюнями брызгал, ведь лезвия кинжалов он держал зубами. И никто не мог заметить, каким образом, этот ловкий окаянный уже с четверть мешка, что прилегал к спине, заполнил слезами. Теперь-то Живоротская душа прикинула, зачем он целенаправленно спрыгивал на землю с ветвей столько раз, коль мог быстрее и удобнее для себя перемещаться, так скажем по воздуху, а именно скача с дерева на дерево.

И, казалось бы, что может быть ещё ужаснее полумёртвого леса, с которого бегут сломя голову даже самые свирепые живности. А оказывается есть. Шум воздуха в ушах от быстрого перемещения перебивался неприятными криками. И крики не сказать, что были человеческими, да и не сказать, что звери что-то подобное выдают. И казался в этом звуке потерянный ребёнок, находящийся в истерике, а, может, женщина, которую режут заживо, но и нотки конские мешались в данном вопле, а, может, и не конские они вовсе, а даже птицы противной. Но высота раздражающего тона достигла ушей кошачьих, что тому пришлось на пути подобрать крайнюю слезу и остепениться, схватив обеими мохнатыми руками кинжалы, и притаиться за деревом тихонько, вонзив свой зоркий взгляд в болото, где из-за тумана виднелась фигура

скрюченного человека на корточках что-то небрежно, словно грязный свин, пожирая, утыкая свою физиономию во что-то, что валялось на земле.

Затаив дыхание, оборотень присматривался прищурившись. Слышалось только дуновение хладного ветра да свинское чавканье, криков доколе не было больше. И эта глушь веяла чем-то нездоровым и опасным, чем-то злым и смердячим. И это всё дало о себе знать в мгновение...

На Милана самым скверным образом из-за спины накинута навья, что таилась тихо, не вызывая внимания. Казалось, оборотень про неё забыл, но не тут-то было: кот мгновенно увернулся и вонзил девушке в хребет оба кинжала. За один прыжок ему удалось поразить смерду и приземлиться на неё, да вонзиться когтями собственных ног, что она страшно завизжала от боли, привлекая внимание неизвестного чудища у болота, что тот ринулся ей на помощь, так можно было сказать по размытой фигуре в тумане. И эта фигура приближалась, а наш герой с нехарактерной ему жестокостью, прокручивал орудия в теле навьи, да ломало её от каждого проделанного оборота. И выла, и стонала, что у простого смертного крестьянина давно уже завяли бы уши.

Живорот с жутью наблюдал происходящее. Он воротил рылом, будучи в мире душ. И хоть понимал он, что никто его не тронет, за смелого оборотня ему было всё-таки боязно – самому не хотелось стать таким по договору кровному, заключённому меж ними, да и Милан был обаятельным, что

сразу понравился старому охотнику.

После вопля навьи бор словно ожил, а точнее, окунулся в мир мёртвых: листья зашелестели, торчащие корни древ рылись в земле как змеи, гул и воронье карканье эхом заполнили пространство лесное. Земля серела, туман сгущался, а предсумеречное солнце тем временем давало всё меньше света, потому темень окутывала бор и становилась с каждым мгновением всё темнее и темнее. Но душа обеспокоенного охотника заметила, что оборотень был готов к подобному, видеть, опыта в данном ремесле у него достаточно, и не первый раз он блуждает в зачарованном лихом лесу.

Та тварь, что жрала что-то на земле у болота стала яснее глазу: это был упырь. Безобразный упырь, чьи руки по мёртвому болтались, а челюсть висела, ноги были вывернуты и перемещался он как юродивый да видно было, что передвигаться ему тяжело за счёт подобного уродства. Нагой он был, какие-то вонючие коричневато тёмно-зелёного цвета тряпки висели на нём так, что заметно было, что до своей смердячности был он мужем высоким и худым.

Милан, вынимая кинжалы из кричащей навьи, за один прыжок настигнул упыря. Пронзив оружием с двух сторон голову, окаянный налету её свернул, но знал, что так не убить смердячего, однако подобный трюк запутал тварь, что она не разбирала, куда идти. С того положения и кот, и Живорот заметили лакомство упыря, что бездушно и безобразно валялось у болота – грязное тело годовалого младенца со вспоро-

тым животом, из коего тянулась длиннющая кишка, кою сосал некогда мерзкий упырь. И живо дитя ещё было, еле дышал ребёночек, но силёнок не было у него ни закричать, ни сдвинуться с места, истекая кровью багровой, и смрад стоял рыготный там, благо души запахи не слышат.

Не теряя времени наш ушлый кот ринулся дальше, не забывая собирать хрустальные слёзы, даже если скрывались они под рыхлой серой землёй, он всё равно задерживался, чтобы отколупать сокровище. И так глаз горел его при виде побрякушки, что даже можно умилиться, что в подобном ужасе наш герой находит, что-то сокровенное и озаряется улыбкой в тот миг.

Тем не менее жуть лесная на том не кончалась. Правильнее сказать, что это было только начало. Далее на их пути встречались различной степени уродливости упыри, кто-то с добычей в виде животных или что чаще людей и их детей, кто-то в одиночестве агрессивно реагировал на ушлого оборотня, что быстрее ветра летел сквозь бурьяны, болота, топи и деревья иногда по собственной прихоти втыкал лезвия кинжалов то в глаза, то в сухожилия ног или рук, лишая смерды возможности двигаться, что постепенно входил в безумие от азарта, не забывая собирать стекляшки.

Но обзлённая навья под воздействием проклятья, яростно пыталась догнать окаянного, кой успевал с ней ещё и позаигрывать: останавливался, махал мохнатой рукой, дожидался, чтобы увернуться от напасти, но больно делать пере-

стал, не было в том надобности, видать. А душа Живоротовская пребывала в состоянии истерической боязни, оглядываясь постоянно по сторонам, ожидая лихой неприятности. А они были не за горами, буквально за несколько верст: пока Милан игрался с навьей, дабы та от злости ревела, что для нашего героя было бальзамом не только на душу, но и на карман, он выставил мешок, собирая слёзы, тем временем душа Живоротская заметила за деревьями в густом тёмном тумане существо человекоподобное, вот только ростом в шесть нормальных мужиков, горбатый и худой.

А как это нечто случилось ближе, то вырисовывались и цвета – не кожа, а кора древесная, весь во мху, водоросли свисали с него, а на подбородке росла трава, из головы торчала в сторону спины острая ветка и несколько поменьше, на горбу росли оранжевые и бордовые мухоморы. С плеча торчал толстый сук, на котором на верёвке, привязанной к передавленному горлу, болтался самоубийца с опухшей посилившей рожей. Ноги чудища напоминали витые корни, кои выглядывали из-под земли, аже данное чудище походило на змею тем, что продолжение его тела находится глубоко под землёй.

– Леший! – не ожидая от самого себя, испуганно крикнул кот.

Глаза оборотня наполнились искренним страхом, который он всячески пытался скрыть. Тянуть долго нельзя, потому он ловко проскользнул меж лешим и ближайшим де-

ревом, даже оставив позади горсть хрустальных слёз – настолько он страшился появившегося чудовища. Повезло, что оно неповоротливое, имеющее заторможенную реакцию порой, однако другого боялся кот, а именно того, что эта смерда способна управлять природой – сосны принялись склоняться в сторону нашего героя, корни вырывались из-под земли, пытаясь ухватиться за кота. Казалось, ныне весь лес ополчился против оборотня, и так боязно было за него душе Живоротской, однако поделать она не могла ничегошеньки. Оборотень изо всех сил уклонялся от любой напасти. Тут ещё на пути мешались упыри. Но и этого было мало – на пятки наступала разъярённая навья, её пришлось усмирить, вонзив кинжал в лоб, да не успел кот вовремя его вынуть, как звонким криком она мощно оттолкнула его подальше от себя, принявшись доставать клинок из головы, так ещё на соснах сидели русалки, в ожидании незваного гостя.

Одна из русалок со страстью целовала мужа, кой с каждой секундой терял в весе и годах, иссушаясь и старея, а она же молодела, кожа приобретала живой цвет вместо бледного, волосы росли и свисали на два аршина с ветви, на кой она сидела, а как закончила целовательный обряд, так скинула мёртвое тело на землю, где костлявый труп жестоко был тотчас разорван и разломан разбушевавшимися корнями, достались они проголодавшимся упырям, кои бежали за живой, спотыкаясь об свои же переломанные или вывернутые ноги на смех русалкам.

Хочу напомнить, что русалки в нашей родной культуре не имели рыбий хвост, как это принято у западных цивилизаций со скудной мифологией. Наши русалки выглядели как обычные девушки. Мрачноватые, бледные, в грязных белых одеяниях, да обитали в глуби леса, как злые души, ведь являлись зачастую утопленницами, но не самоубийцами. Те самые русалки, что носят хвост рыбий, есть морские девы. Продолжаем.

– Милан, Милаша, иди к нам, мы тебя в беду не дадим! – заговаривали поочерёдно слово за слово бледные девицы, заигрывая с оборотнем.

Но наш неподкупный герой недолго думая швырнул оставшийся у него кинжал, попав девице в лицо, что сидела в центре двух сплетённых ветвей сосен, кои склонились друг перед другом. И это сплетение было единственным, за что можно ухватиться и оттолкнуться, потому что на земле опасно было находиться, кот уже забыл о своём желании собирать слёзы, скоплений коих уже было в разы больше, нежели в самом начале пути. Русалка-красавица от меткого попадания клинка свалилась на земь. Леший не разбираясь приказал корням разорвать её тело пополам.

Оборотень тем временем протиснулся меж красных дев на сплетение ветвей, но русалки не могли его просто так оставить – тянулись, чтобы скинуть его в лапы лешего, однако ожидал подобного наш герой, потому своими когтями проколол глаза тем, что были по бокам, засунул пальцы глуб-

же, дабы ухватиться понадёжнее, да бросил их тела в навью, коя почти настигла Милана, и оттолкнулся, покидая злых дев. Живорот заметил, как на земле корнями разорванное тело первой русалки принялось срашиваться обратно, поражая восприятие мужика в сотый раз.

Дух приметил, что слёз на земле стало в разы больше. Прочитав его размышления, Милан прокричал задыхаясь:

– Мы почти у её тела! – он был достаточно серьёзен. – Слушай меня внимательно, Живорот! Как только я приближусь к ней, по команде вселяйся в моё тело и снимай девушку с петли! Закопай её! Только не лицом в землю! И не скрещивай руки! Раскумекал?

Живорот кивнул.

Пока оборотень объяснял ритуал, он и не заметил, как добрался до нужного места: на одиноком островке, окружённого болотом, вверх тянулась молодая сосенка, на которой висело тело Первуны, что сейчас мчится в образе навьи за нашим героем. Казалось бы, дело за малым. Но, опять же, не тут-то было.

Как только кот перепрыгнул через болото и угодил на островок, из грязной жижи показалась лупоглазая рожа, схожая с рыбьей, лягушачьей и человеческой в одночасье. А из бурьяна выкатился здоровенный толстяк серо-синего цвета, весь в улитках и красными глазами. Воню смердило так, что очи слезились у кота. И пока он находился в замешательстве, из гущи леса показалась навья, а за ней вылез и леший, окру-

жив островок, но к нему не поступали чудища.

– Водяной и болотник вдобавок появились, – отдышавшись, находясь около тела самоубийцы, размышлял кот. – Что-то с этим островком не так, оже твари неохотно поступают к нему... – а смерда затаилась и принялась молча наблюдать за оборотнем. – Первуна, – обратился он к навье. – Ты меня слышишь? – однако ответа не было. Проклятая душа была полностью одурманена смердой. – Не слышает... – Живорот же ожидал команды от кота, явно волнуясь и вид делал, что к чёрту данное путешествие, лучше бы уже отдал свою душу навье, дабы не наблюдать всего ужаса, кой довелось ему узреть.

Милан принял решение копать яму под телом девушки, раз через раз поглядывая на тварей, что продолжали спокойно на него глазеть, не двигаясь с места. И какое было приятное удивление, что в земле, коя, кстати, не высохла и не посерела как во всём остальном лесу, было ну уж очень много слёз. Кот чистил каждый хрусталик и закидывал себе в увесистый мешок. Как яма была готова, наш герой обратился к душе охотника:

– Значится так: вселяешься, мигом срезай когтями вичку и уложи в яму, далее уже я справлюсь, а то, чую, – он глянул на ждавших от него решительных действий чудищ, – нам не дадут это сделать... Готов?

Живорот кивнул. Милан, набрав по более воздуха в лёгкие грациозно хвастаясь грудью с руной Чернобога, свалил

с себя мешок у ствола сосны, обвязав его в несколько узлов. Оглядев смердячих и выдохнув, он крикнул:

– Давай!

Душа вселилась в тело кота и Живорот тут же растерялся не в своём теле. Рассудок Милана дремал, потому охотник буквально был один в чужом обличии, да ещё и наполовину кошачьем. Чудища немедля активизировались: водяной направил что-то наподобие хвоща, только очень длинного, леший пустил корни через трясины в сторону островка, а болотник взмахом рук заставил утопленников, коих, видимо, в данной болотной луже было чересчур много, встать и медленными шагами, толкаясь друг с другом, направится в сторону Живорота, у коего руки тряслись от страха. Навью тем временем ломало: она резко свалилась на землю, в цепкие корни лешего, которые тут же словно змеюки обхватили каждую её конечность. Она истерически кричала и вопила, молила о пощаде. Проглядывались проблески возвращения её рассудка: девушка просила скорее закончить ритуал.

Живорот же в теле кота спешно, но тем не менее срезал вичку когтем и успел ухватить стан девушки, с жутью в глазах, коих невозможно было узреть, когда обликом управляла душа Милана, поглядывал на тварей, что окружили островок, и на навью, что только пала наземь. Собравшись с силами, он трепетно уложил тело красны девицы, что даже поцеловал жарко в лобик кошачьей рожей.

В тот же момент душа его вылетела из тела окаянного, в

глаза явилась смелость и отвага, а само оно более не стояло по-человечески, а сгорбилось и более походило на кошачье.

Дабы понять степень ситуации в кой он пребывал, Милан осмотрелся и заметил, что туман пропал и вдалеке можно было узреть птицу печали, Сирин, что сидела статно на ветке, и своим красивым ликом внимательно наблюдала за происходящим, затаившись в лесной гуще. Выглядит она как крупная чёрная птица с женской головой и золотой короной на ней. Предвещает беду, а своим пением в силах лишить памяти.

“Плохи дела...” – подумал Живорот подобным образом, осмотрев округу.

– Да не переживай ты так! – воодушевлённо провозгласил Милан, выпячивая грудь, после уворота от хвоща и корней, что летели в него. – Что-то с Первуной не так! Навья должна сопротивляться, мешать упокоению тела, а эта вон – свалилася да просит, чтоб её спасли! Странно...

Пока наш герой разглагольствовал, утопленники в количестве двух дюжин окружили остров и наступали на... Нет, не на Милана, а на тело Первуны, потому резкими и ловкими кошачьими движениями, котолок откидывал от ямы мертвецов, швыряя их друг в друга, некоторых простым толчком сбивал с ног, а некоторым сворачивал головы, и те шли в обратную сторону от тела девушки. Но не так просто было ему, потому что хвощ, коим управлял водяной, лез отовсюду, окружая остров, и был в силах обвить мохнатую ногу обо-

ротня, из-за этого приходилось нашему герою когтями срезать растительность, но и леший не оставлял кота в покое, направляя в его сторону плющ и упругие древесные корни, тянущиеся из болота, которые просто так не срежешь, однако можно было сломать, приложив достаточно силы, коей у нашего героя, видимо, хватало.

Тем не менее нужно было закопать, а всё окружение проклятое ему в этом мешало – только повернётся он в сторону могилы, так либо плющ за ногу схватит и потянет в трясины, либо очередной мертвец вылезет не пойми откуда, а что хуже – толпа, коя цепкими руками схватит и начнёт мешать, что приходилось откидать подальше.

И вроде герой наш приловчился и получалось закапывать ручками, и в то же время от неприятеля уворачиваться, как заметил он, что в стороне, откуда он прибыл, явились те самые русалки да орда упырей в довесок. Понимая, что островок и тело Первуны обладают чем-то солнечным, тёплым, что смердятина боится собственноручно лезть туда, Милан уже наперёд думал, как же ему выбираться из лесу, ведь ступи он на землю проклятую, так сразу же будет сожран нежитью или разорван лешим. Навья же с каждой горстью земли визжала громче и ужаснее, что даже нашему герою становилось не по себе. Да и не успокаивала птица печали, что незаметно передвигалась от ветви к ветви и становилась ближе. Не к добру это, считал кот.

Но не перестал наш герой закапывать Первуны тело в мо-

гиле и оставалось-то немного, что понималось по невыносимому визгу навьи, обвитой корнями лешего, постоянно уклоняясь от очередной нечисти и напасти. За то время вокруг островка скопилась вся смерда леса: помимо вышеперечисленных, к ним добавились кикимора на курьих ножках, коя “просто пришла поглазеть”, несколько гулей с вывернутыми конечностями, которые приползли на приятный запах наживы, еще с десятков русалок выглядывали с высоты сосен, с интересом ожидая кульминации. За кикиморой выстроились змеи разных размеров и цветов, некоторые даже выглядывали из ее сухих волос.

Милан держал в кулаке оставшуюся рыхлую землю и выставил его над могилкой, смело осматривая всю окружившую его нечисть. Даже леший, водяной и болотник прекратили свои напасти, застыв в ожидании.

– О великий Велес! – закричал кот. – Знаю, ты не милостив к самоубийцам! Но прошу упокоить душу этой прекрасной девы, что отмучалась в течение ста лет. Полно ей страдать! – харизматично, словно в театре договорив свою речь, карикатурно оборотень высыпал из руки землю на могилку.

Внезапно навья замолкла, глаза её вывалились наружу, а язык и зубы – внутрь. Оттуда показался тёплый свет, озаривший лес своими насыщенными лучами и, попадая на нечисть, испепелял дотла, что смерда перепугалась подобного, отбегая подальше от непонятного и опасного явления. В рот бурным потоком заливался воздух, что тело девы в бук-

вальном смысле надувалось, как надувается лягушка с камышом во рту, пока не взорвалась вовсе, оставив после себя лишь эфемерное свечение.

Милан был в восторге, однако, как дева исчезла, он заметил, что древо, на котором висело её тело, внезапно высохло, как и земля под ним, вернулся густой туман, а смерда осознала, что теперь может ступить на некогда святой остров. Тут-то наш кот и выдал на своём лице страх и отчаяние, которое в не меньшем страхе и отчаянии узрела душа Живорота, задаваясь вопросом: “И что делать?”.

– Как-то выживать... – промолвил кот, закидывая за спину мешок с хрустальными слезами, ища испуганными глазками, кои он пытался сделать серьёзными, путь к отходу, но никак не мог определиться, потому что всюду его ждала смертельная опасность. А смерда не дремала – водяной уже руки положил на остров, дабы проверить, может ли ступить на эти земли, леший смотрел своими пустыми глазами на кота, направляя корни.

Однако сверху на могилу Первуны спикировала птица печали Сирин, а из самой могилы заметен был тусклый тёплый свет...

– Сила солнца... – поразился кот.

Сама Сирин в одночасье стала белой и озарила царствующую темень светом, будто сама горит, полыхает ярко-ярко, что попряталась смерда от такого сияния. И как запела эта птица, и по-домашнему тепло стало на душе у Милана

в этом жутком и проклятом лесу, что даже прилечь на землю хмурую и мёртвую хотелось, да земля от могилы живой силой набиралась, что из серого воротилась в коричневый цвет, что травка на ней потянулась к небу и ярко позеленела, что ромашки вылуплялись из некогда мёртвой почвы.

– Первуша, милая, Первуша, дева красная, питали нежные чувства к тебе родичи, любили тебя селяне, убивались всем хутором, горевал твой суженный, что из года в год поминали добрым словом тебя, что поминали их предки тебя, что поминают по сей день предки предков твоих, – объявила птица, озарявшая окрестности леса. – Была я Сирина, а ныне я Алконост, благодаря твоему теплу солнечному, потому что при жизни была ты добрая душа и после смерти посылали родичи тебе тепло. Велес, бог, что определяет души после смерти, принял своё решение! – лико красной девицы с румяными щеками, с телом птичьим повернулось, чтоб взглянуть на спасителя. – Уж любит тебя бог, вот и пришёл к тебе на помощь!

Алконост взмахнула крыльями и унеслась вверх восвояси и вдали казалась тёплой звездой, что отправилась обратно в звёздный мир. А тем временем свет и тепло из могилы увеличивались, что утопленники и упыри попросту теряли сознание от количества силы солнца, что накапливалась под землёй, пока со взрывом энергии, что оттолкнула всю нечисть подальше от островка, с ярким сиянием из могилы плавно возвысилась некогда бывшая навьей, Первуна.

И неопишима она была красива, и волос был у неё не чёрный, а светло-рыжий, глаза добрее доброго, улыбка греющее сердце, зубки белее снега. Та грязная тряпка, что была на ней, сталась меловым полотном, прикрывая всё тельце.

Что Живорот, что Милан не могли не отвести глаз своих от девы прекрасной, не в силах сдерживать улыбку. Облегчение ощутили оба, помимо тепла, ведь на их же глазах вся нечисть в животном страхе бежала от этого острова, от этого света, тепла, красоты, которой завидовали русалки, а особенно кикимора. Туман рассеивался, земля оживала, растительность радовалась приходу доброго духа, водяной занырнул и более не желал высовывать свою рожу юродивую, болотник закатился за бурьян, а леший зарылся в землю.

Одного взмаха руки девы хватило, чтобы подсветить путь обратный до избы охотничьей. Она плавно спустилась с воздуха на островок.

– Благо дарю тебе, Милан, за то, что не побоялся путь нелёгкий пройти, за то, что помог мне избавиться от проклятия, за то, что спас Живорота от недуга и нелёгкого выбора, – приятным, успокаивающим голосом, молвила дева, что герой наш пестрил лучезарной улыбкой и сияющими глазами, кои не в силах был оторвать от Первуны. – И не только я даю тебе благо. Ежели не ты, Велес не сделал бы меня Берегиней, а коли узнал бог, что ты в беде, так даровал мне силы солнечной, да чтобы лес оберегала... – она заметно пригрустнула.

– Хвала Велесу! – ответил кот. – А куда запропастились добрые духи этого леса? Их подавила смерда?

– О нет, Милан. Их люди поубивали, оттого и смерды расплодилось много...

– Кому выгодно из людей убивать добрых духов? Хранителей леса? – задумался оборотень.

– Мне покуда знать? – развела берегиня руками. – Теперь ступай, Милан, утро вечера мудренее... А ты, – она обратилась к душе Живоротской, – еже ещё жену другую возлюбишь, то нет тебе прощенья и придёт за тобой кто пострашнее навьи, аже я твою душонку нечестивую спасать не собираюсь, уяснил? – душа смиренно кивнула. – Ну всё, молодцы, ступайте в добрый путь!

Лучи света простирались сквозь деревья и кусты, бурьяны и валуны и вели они к избе охотничьей. Чёрный кот-баюн по имени Милан топал на своих двух и различные небылицы душе Живоротской рассказывал: и про то, как в Киеве княгиню Ольгу спас, и про то, как в одиночку справился с богатырями, и про то, что в Арконе его имя в доброй славе, и про то что он только не сказывал, пока медленно волок свои мохнатые ноги, а Живороту оставалось лишь слушать да помалкивать, доколе не доберётся оборотень до избы...

– Ведаешь, кот, а я знал, что ты справишься! – подбадривал Милана радостный Тимоха, снимающий с себя одеяния, на фоне трёх голых сынов, что ждали родичей и гостя, чтобы

вместе пойти в баню.

– Дай ты ему поесть, чего раскудахтался? – Живорот поглаживал чёрного кота в его мохнатой животной форме, что лакомился медвежатиной со стола и достаточно громко мурчал.

Как доел, котолок спрыгнул с кормёжки и принялся увеличиваться в размерах, потом поднялся на задние лапы, ища равновесие, в то же время проявлялись человеческие черты: руки, например, задние лапы становились ногами, голова принимала более людской вид, а как с животного состояния переметнулся он в облик оборотня, так тут же заговорил:

– Благодарю, братцы! А накидки не будет ли у вас? – скромно спросил он.

– Будет, братец, будет, – Живорот “нырнул” в подсобку и тут же вынырнул с полотенцем с красным орнаментом защитным.

– Не, не, я же окаянный, на меня плохо действует, голова потом болеть будет, – ответил кот, заметив вышивку.

Дед метнулся туда и обратно с однотонной овчинной ветошью.

– Другое дело! – выхватив её у старика, Милан нацепил тряпку, прикрывая пах. – А сейчас будет чудо! – артистично заявил он.

Голые мужики окружили оборотня в углу, кой сгорбился и руками схватился за голову, как вдруг вся шерсть чёрная на нём втянулась внутрь, как и когти, что стались ногтями

человеческими, а голова теперь человеческая, лица, правда, не видно было, ведь, как я уже сказал, сгорбился молодец, принимая людской вид. А как выпрямился, то всем мужикам на зависть, показал своё лико – голубые глаза, острые скулы, умеренно вытянутый нос, кучерявые коричневые густые волосы и улыбка, что манила каждую жену в селе.

– На хутор придём, человеком не становися, а то всех дев заберёшь... – пригрозил Тимоха, рассмешив всех, хоть из уст его прозвучала истина.

– А чего, ты братец, овчинной прикрылся? – спросил один из сынов молодых.

– Это чтобы... – Милан замялся, – чтобы... чтобы кожу не испечь об древесину в баньке горячую после превращения. А то она у меня сейчас очень нежная... – все поверили.

В самой баньке Милан горделиво сказывал о своих геройских похождениях в проклятый лес, а Живорот ему поддакивал: “всё так, всё именно так!” – повторял он каждый раз, как Милан либо дёргал его за ногу, либо тыкал локтем в рёбра. А потом принялся сказывать про себя все то, что сказывал Живороту на обратном пути. Тимоха ещё с какой-никакой толикой скуки воспринимал всё, что повествовал оборотень, а вот сыны, не могли рты сомкнуть – настолько они восхищались гостем и спасителем их родича. Зачем приходила навья они условились сынам не рассказывать...

– А у меня с банниками всегда отношения хорошие, – поддерживал разговор наш герой в парилке, когда уже всё про

себя рассказал за час. – Хоть я и слышал былины про то, как они запирают тех, кто за банькой не ухаживает, как они до смерти парят и как они иначе издеваются... – вдруг кто-то постучал в дверь парилки.

– Ярополк, глянь, кто там явился посреди ночи! – скомандовал Тимоха.

– Боязно мне, батя... – скрутилась достаточно крупная девица.

Однако дверцу никто не запирает, потому некто, стоявший по ту сторону двери, отворил её.

Показался мужичок на вид старый, но достаточно крепкий, влас седоватый, но длинный и густой, как и борода, пригляды добрые, но носяра как у бабы-яги с громадной бородавкой, глазами он кого-то выискивал первые секунды, когда засунул свою голову в парилку и остановился на Милане.

– О! Так и знал, что ты гостишь у охотников! – и голос был приятный у этого мужчины. Однако Милан забежал глазами и напряжённо выпрямился. – Я навье передал, что в хуторе есть грешник... Ой... – все мужчины повернулись в сторону гостя, который уже был готов сбежать. Что, собственно он и сделал, однако один из молодцев ухватился за тряпку, что прикрывала его, а как сорвал, так раздался громкий смех и оборотень понимал, что являлось причиной общего задора.

– Едрить тебя дубинкой, Грибомор! – закричал оборотень, покрасневший от стыда, выметаясь из парилки, толкая приятеля, целенаправленно устремившись в избу.

Смех никак не покидал мужчин, которые по задумке должны были злиться на оборотня, как бы не хотели, они не могли этого сделать, им его даже жалко стало.

– А-ха-ха, Тимоха, а ты переживал, что девок он в хуторе всех позабирал бы! Вот умора! – кричал Живорот, надрывая животик.

– А вы хоть что-то там кроме кошачьей шерсти увидели?! – смеялся один из сынов.

– Там что-то торчало, но это неточно! – откликнулся Тимоха, вытирая слёзы.

Грибомор, смотря на это, мог лишь в ответ покачать головой и тихонько прикрыть дверь в баньку. Оборачиваясь, он узрел Милана, обратившегося в котолюда, держа в руках заветный мешок и медвежью ногу. Остановившись у одной из двух лошадей, что избавились от проклятия, наш герой злостно крикнул:

– Ты со мной или как, околотень бесстыжая?!

Отвязав кобылку и прихватив приятеля, чёрный кот-баюн направился в сторону Новограда...